

С. О. ШМИДТ

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 2

Двадцатое столетие

КНИГА 2

STUDIA HISTORICA

С. О. Шмидт

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ
ИСТОРИИ РОССИИ

ТОМ 2

Двадцатое столетие

КНИГА 2

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4-3в6
Ш 73

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Шмидт С. О.

Ш 73 Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2. Двадцатое столетие. Кн. 2. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 496 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 978-5-9551-0464-5

Эта книга избранных трудов видного историка и культуролога, академика РАО, советника РАН С. О. Шмидта, включает работы разных лет — и исследовательские труды, и эссеистику, и публицистику. Основная проблематика — обращение к памятникам письменности в трудах по отечественной истории и истории культуры: приемы выявления в них исторической информации, особенности восприятия историко-культурного наследия и использования его в просветительской деятельности историками (В. О. Ключевским, великим князем Николаем Михайловичем, И. М. Гревсом, С. Ф. Платоновым, М. М. Богословским, Н. П. Павловым-Сильванским, М. Н. Тихомировым, Н. Л. Рубинштейном и др.), литературоведами (Д. С. Лихачевым, В. Я. Лакшиным, И. Л. Андрониковым), писателями (восприятие «арбатства» в творчестве Б. К. Зайцева, М. И. Цветаевой, Б. Ш. Окуджавы и др.), вклад их в формирование памяти о явлениях и далекого прошлого, и недавнего времени.

Книга рассчитана на культурологов, историков, литературоведов, преподавателей вузов, музейных и архивных работников.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9551-0464-5

© С. О. Шмидт, 2012
© Языки славянских культур, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключевский и культура России	9
Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры . . .	19
Памяти великого князя Николая Михайловича	31
На рубеже эпох. А. С. Лаппо-Данилевский	46
Подвижник науки. М. М. Богословский	57
Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения)	70
И. М. Гревс и воспитание историй	183
Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова)	203
Судьба историка Н. Л. Рубинштейна	233
Самый талантливый с нашего курса. А. П. Каждан	266
Роль провинции в формировании российской культуры	306
Цветаевы в культуре Арбата	318
Два Арбата Марины Цветаевой	322
Арбат Бориса Зайцева	324
Арбат в культуре российского зарубежья	326
Удивительный мальчик с Арбата (О художнике Коле Дмитриеве)	335
О незавершенной книге Николая Бухарина «Времена»	337
Вступление к книге о московском учителе словесности И. И. Зеленцове	342
О Любви Новохатской и об этой книге	357
О Якобе Голосовкере	360
Иракий Луарсабович Андроников	373
«Нравственные вершины» ученого и писателя	378
Наследник российских просветителей В. Я. Лакшин	407
«Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь!» К 70-летию Булата Окуджавы.	411
Булат Окуджава и «арбатство»	416
О книге «Арбат передо мною...»	433
Русская эмиграция, и ее влияние на отечественную историческую мысль	435
Эмигрантские издания в личной библиотеке В. И. Ленина	478

ДВАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

КЛЮЧЕВСКИЙ И КУЛЬТУРА РОССИИ*

Василий Осипович Ключевский — порождение культуры России, ее исследователь и творец, ее гордость.

Великий историк, ученый и педагог, классик русской прозы, мастер ораторского искусства и устной беседы, слава Московского университета и Московской духовной академии, всей Москвы и всей России, Ключевский единственный, кто был избран в Академию наук и ординарным академиком Историко-филологического отделения (в 1900 г.), и почетным академиком по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности (в 1908 г.).

Из трех богатырей российской науки истории в XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) младший оставался неизменно популярным на протяжении и почти всего следующего XX столетия. Широкий интерес к прошлому нашего Отечества, возбужденный в начале XIX в. книгами «Истории государства Российского» Карамзина, стал с тех пор данностью бытия российской интеллигенции; и на рубеже XIX и XX столетий, стараясь объяснить настоящее прошлым, обращались прежде всего к «Курсу русской истории» Ключевского.

Тема «Ключевский и культура России» подразумевает разные аспекты: восприятие Ключевским культуры России, изучение им культуры России, вклад Ключевского в развитие этой культуры, включение Ключевского (и сочинений его, и личности) в представления других (и современников его, и потомков) о культуре России и т. п. В кратком выступлении допустимо ограничиться лишь постановкой некоторых вопросов в плане этой многообразной проблематики.

Ключевский был истинно русским человеком не только по воспитанию и манере поведения, но и по вкусам своим и образу мыслей. Это не означает, однако, что он довольствовался элементами культуры только российского происхождения. Как и другие российские интеллигенты той поры, он был европейски образован, знаком и с культурой зарубежной и воспринимал культуру России как часть мировой культуры, а православие как религию, объединяющую человечество, говорящее на многих языках. Ключевский еще в молодые годы заинтересованно старался узнать сам и поведать другим о том, что знали иностранцы о России в допетровский период (тема его

* Впервые опубликовано в кн.: Ключевский. Сборник материалов / Отв. ред. С. О. Шмидт. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 323—335.

первой книги) и включить данные о России в издание перевода популярной книги для «чтения в школе и дома» по истории общественного и частного быта Европы. А затем все в большей мере становится свидетелем возрастающего вклада россиян в мировую культуру — в развитие литературы и искусств, в совершенствование научных знаний и признания всемирно-исторических заслуг его соотечественников. (Хотя даже в канун кончины Ключевского в популярнейшем на всех пяти континентах французском одно-томном словаре Ларусса «*Dictionnaire complet illustre*», так называемом «Малом Ларуссе», поместили из наших соотечественников портреты только императоров Петра I, Екатерины II и всех царствовавших в XIX — начале XX в., полководца Суворова, писателя Тургенева и музыканта Антона Рубинштейна.)

Для формирования мировидения Ключевского, основ его общественных воззрений и эстетических представлений особое значение имела пензенская юность, приобщившая его с детских лет к корневой народной культуре. Ключевский рано освоил запечатленные еще в фольклоре понятия о взаимосвязи природы и общества, обычаи общепития и просторечие сельских жителей и мещанства, духовенства и чиновничества. Эти впечатления сызмальства остро-наблюдательного и приметливого Ключевского обусловили «глубокое знакомство с великорусским бытом, живую стихию народности», которые в Ключевском-историке особенно высоко ценил историк С. Ф. Платонов, ибо, по мнению младшего современника Ключевского, «понять старую русскую жизнь» в ее конкретности, избегая надуманного юридического схематизма, может только тот, кто «знаком с современным народным бытом»¹.

Литературовед Н. К. Пиксанов для книги 1928 г. «Областные культурные гнезда» — одного из самых значительных изданий «золотого десятилетия» нашего краеведения — эпитафией избрал слова Гёте: «*Wer den Dichter will verstehen, // Muss in Dichters Lande gehen*» (Кто хочет понять писателя [автора], должен идти в землю его обитания [рождения]). С разгромом краеведения на рубеже 1920—1930-х годов и сознательным устранением с магистрального пути развития гуманитарных наук ученых-краеведов постарались отступить и от «областного принципа в русском культуроведении» (именно этими словами начинается предисловие к книге Пиксанова) — тем самым отказались от последовательного изучения повседневности культурно-политической истории своего края и выявления примет типологии в историческом развитии той или иной местности, преимущественное внимание обращая на особо заметных деятелей всероссийского масштаба и на связи с провинцией выдающихся людей, постоянным местом пребывания которых были Москва или Петербург.

Пензенский край в средней части европейской черноземной России — это и достижения трудолюбия земледельцев, и крепостническое землевладение, устные предания о восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева и расправах с помещиками, и средоточие усадебной культуры, воспоминания об опальном

¹ Платонов С. Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1933. С. 258, 262.

реформаторе Сперанском и атмосфера ожидания отмены ненавистного всему передовому крепостного права. Здесь Ключевский ознакомился и с искони бытовавшей на Руси церковно-учительской литературой, и с основными элементами схоластической образованности, смог на практике ощутить и достоинства, и недостатки распространенных приемов обучения и воспитания. Как установлено теперь В. П. Козловым, основная масса рукописных и старопечатных книг находилась в первой половине XIX в. в среде низшего и среднего слоев провинциального общества. В Пензе было немало напоминаний и о родившихся или обитавших здесь классиках новой русской литературы.

Американский историк Р. Берне в статье 1989 г. подчеркивал, что именно «под сенью колоколов» Пензы «Ключевский получил то первоначальное образование и набор жизненных впечатлений, которые определили его характер, направленность умственных интересов, демократизм взглядов»². В выводах своих Берне лишь в малой мере опирается на труды пензенских авторов последних лет. А труды эти — книги, статьи, документальные публикации, в том числе о жизни старших современников Ключевского И. Н. Ульянова и В. Х. Хохрякова, — существенно расширяют круг наших конкретных знаний о социокультурной атмосфере в Пензе середины прошлого века. Узнаем и о том, что для улицы Поповки, где обитали священнослужители — родственники Ключевского по матери и поселилась, овдовев, она сама с маленькими детьми, характерным было не только цветение садов, но и книги в домах, и среди них классические сочинения русской и зарубежной художественной и исторической литературы. Молодые поповичи обсуждали и новинки журнальной публицистики.

Это в совокупности с данными о других регионах России первого пореформенного десятилетия позволяет сделать и более обобщающего плана наблюдение о культуре российской провинции, побуждающее отказаться от категоричности некоторых расхожих мнений, основанных на восприятии образности художественной литературы без учета степени метафоричности обличительного стиля ее. Хотя выявлено в архивах множество фактов, убеждающих в дикой жестокости и диком же бескультурье помещиков-крепостников (вспомним и пушкинское определение — «барство дикое»), не следует забывать о том, что «недоросль» Митрофанушка был ровесником и Карамзина, и тех, в чьих семьях выросли будущие герои «Евгения Онегина» и «Войны и мира». В серьезных научных трудах не должно ограничиваться тенденциозно одноцветным изображением провинциальных помещиков последней четверти XVIII в. лишь как Скотининых и Простаковых; как и во второй четверти XIX в., не все походило на героев гоголевских «Мертвых душ». Также следует отказаться и от однолинейности в характеристиках городского духовенства и семинарского образования середины XIX в. Конечно, очень многое соответствовало изображению бурсы Помяловским и другими художниками слова и мемуаристами, но нельзя упускать из виду то, что в духовных учебных заведениях преподавали также даровитые просвещенные педагоги и ученые;

² Роберт Ф. Берне. Молодой Ключевский. Под сенью колоколов Пензы (перевод В. Дворянова) // Земство. Пенза, 1994. С. 34—59.

и из среды семинаристов и вообще духовенства вышло немало властителей дум по-реформенной России — публицистов, авторов популярных и поныне художественных произведений, ученых и педагогов, известных общественных деятелей.

Склонность Ключевского к писательству, афористическому выражению мыслей, беллетризованному философствованию, так явственно обнаруживаемым в его первых московских дневниковых записях и письмах в Пензу, формировалась, конечно, еще прежде. Из Пензы в Москву он приехал достаточно начитанным в литературе прежних лет, с высоко развитой уже ассоциативностью мышления, с определенным навыком тренировки памяти и приемов художественно-литературного письма, с опытом споров и обсуждений в восприимчивой к его размышлениям дружеской среде молодежи.

Пензенская юность не в меньшей мере, чем рано проявившиеся способности к литературно-художественному творчеству и к риторике (которую тогда уже воспринимали не только как науку о красноречии, но и как теорию прозы), предопределили уже в студенческие годы в Москве особую заинтересованность в изучении российской истории и литературы, древнерусского языка, Ключевский избрал для себя школу не одного великого университетского Учителя, а двух — С. М. Соловьева и Ф. И. Буслаева. И вероятно, для ученика и его взаимодействия с учителем имело значение и то, что Соловьев был сыном священнослужителя, а Буслаев провел юные годы в родной Ключевскому Пензе.

Оба великих предшественника Ключевского — и Карамзин, и Соловьев — непосредственно, визуально воспринимали зарубежную культуру. Побывали прежде, чем приступить к созданию своих главных исторических трудов, в Западной Европе, воспитывались на сочинениях зарубежных мыслителей, которые читали обычно на языке оригинала, следили за зарубежной периодикой. Большинство профессоров Московского университета прошли и школу стажировки в зарубежных университетах. Ключевский не выезжал за границу, был человеком иной внешней среды и иного культурно-бытового обихода. Он не имел и навыков свободной речи на иностранных языках. А следовательно, и утрачивал в такой ситуации пленявшую всех быстроту языкотворческой реакции на услышанное и увиденное, не мог оставаться блистательно остроумным и язвительным собеседником. Не потому ли, став уже всемирно знаменитым, Ключевский чурался московских профессорских гостиных, где русский и иностранные языки перемежались, и легче себя чувствовал среди профессоров Духовной академии?³

Москва ко времени переезда туда Ключевского уже полтора столетия была — по определению Пушкина — «порфиноносной вдовой». Она в буквальном смысле слова была окружена провинцией, москвичи были тесно взаимосвязаны с провинциальной жизнью. Но в профессионально-интеллигентской среде уровень культуры в сфере наук, литературы, искусств был не ниже петербургского. И когда говорили о столичной литературе, столичной науке, то подразумевали литературу и науку Петербурга и Москвы. Внешними средоточиями сравнительно широкого распространения и восприятия явлений культуры и общественной жизни, тогда — когда не знали еще ни радио,

ни телевидения, ни даже телефона — были периодическая печать и места постоянных встреч: читальни, клубы, театры, рестораны, и особенно гостиные и кабинеты в частных домах, где практиковались обязательные журфиксы, т. е. встречи в определенный — фиксированный день (не говоря уже о салонах просвещенных хозяек). Основной темой разговоров, если исключить политику, были явления гуманитарной сферы — тематика традиционная уже в течение почти столетия.

Попович, провинциал, не имевший в Москве родственных связей в культурной среде и возможности приобщиться к разговорной традиции дворянских гостиных — близкой и к традиции провинциальных усадебных дворянских гнезд, — так сказать, столичное обличье культуры мог воспринять сначала лишь в студенческой, шире — в университетской среде. А это был период, когда демонстративно старались отряхнуть прах унаследованного от умствования и вкусов второй четверти XIX в. Идеи и рассудочные приемы мыслительной деятельности позитивистов сменяли романтические по духу споры современников Герцена и героев ранних романов Гончарова и Тургенева, воспитанных немецкой классической философией и утопическими воззрениями, восходящими еще к Веку Просвещения.

В молодежной среде пореформенных лет «модными» почитались идеи Базарова, героев «Что делать?» Чернышевского, статьи Писарева, зарубежных социалистов. И чуткий и впечатлительный ум даровитого юноши именно это должен был впитывать как новое, с акцентом столичности и импортных воздействий. Сердечность демонстративно вытесняется рассудочностью, сентиментализм, естественно совмещавший рационализм века Просвещения с обязательными идеалами высокой нравственности, снисходительно и насмешливо воспринимается как манерное сентиментальничанье, а романтизм с его возвышенностью представляется театрализованной позой. Отрицание «идеализма» «отцов» — лозунг нигилистически настроенных «детей». Закономерности развития природы пытаются распространить на общественную жизнь, а приемы и терминологию естественных наук ввести в сферу и общественных наук — отсюда характерное для историка Ключевского желание познать «анатомию» и «физиологию» общественного, исторического развития.

Этому после крушения государственно-политических замыслов Николая I сопутствовал отказ от имперских амбиций (характерных для образа мыслей людей Пушкинской эпохи), ослабление внимания и уважения к истории государственности и особенно к истории внешней политики и возрастание интереса к «народному», к настоящему и прошлому основного населения России. Синхронность этнографических работ, организуемых Географическим обществом и Статистическими комитетами, необычайного успеха драм из жизни третьего сословия А. Н. Островского, прихода в литературу поколения писателей-«народников», а в изобразительное искусство передвижников — не случайна. У людей жертвенного начала и не освободившихся от утопических надежд на скорое общественное переустройство и верящих в силу насильственного воздействия на общественное сознание это вылилось в идеи революционного «хождения в народ» и даже яко-

бы очистительного для общества террора. Ключевский, человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно-возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и необычность его дарования, оберегали своего, научно столь перспективного, товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущности дела.

Ключевский рано распознал и утомительность ученого схематизма в объяснении исторических явлений и навязываемых политико-идеологических схем. Крепкая корневая, культурная (и, что существенно, вкусовая) основа, восходящая к пензенской юности, и понимание своей неподготовленности к плаванью в русле новомодных течений удержали самолюбивого и дальновидного студента от увлечения новаторскими тенденциями, сохранили его в сфере основательного гуманитарного знания и даже верности традициям своих профессоров. Но на менталитет Ключевского как мыслителя, на приемы его подхода к явлениям и выработку шкалы оценок эти новомодные веяния не могли не оказать влияния. По литературно-художественному стилю своему и, видимо, вкусовым симпатиям он в русле культуры русской классической литературы предшествующего времени, как бы неоклассик, близкий тем, кто сформировался еще в первую половину века, но по самому строю своей мысли и оценочному подходу к явлениям до конца дней оставался человеком 1860-х годов. Существенно и то, что к 1860-м годам уже отошли в обществе от увлечения общефилософскими концепциями и, соответственно, попытками приложения их к отечественной истории и праву (что характерно для С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина). Быть может, потому-то Ключевского позднее совсем не волновали возможности привнесения новообретенных философских и социологических знаний в проблематику источниковедения и обществоведения, что особенно привлекало в начале XX столетия А. С. Лаппо-Данилевского, правоведов, историков экономики (в том числе «легальных марксистов»).

В период, когда — по его же словам — «студентам старших семестров уже виднеется жизненный путь»³, Ключевский осознал, что именно «профессорство» — наиболее доступная ему из высоких общественных ступеней. Ясно для него стало и то, что пользующийся уважением коллег и студентов профессор становится с возрастающим пониманием общественно-государственного значения науки весомой общественной силой. Он избирает при этом путь и ученого-исследователя, и профессора-лектора. Как бы вознамериваясь совместить в одном лице и С. М. Соловьева (все-таки прежде всего исследователя), и Т. Н. Грановского — прежде всего лектора. Быть может, и в этом ему помогали также наблюдения пензенской юности, представления о воздействии проповедей — и их содержания, и их формы — на аудиторию. Вероятно, нужно иметь в виду и особое влияние именно в ту пору на московское общество театра, и прежде всего Малого театра, который называли Вторым Московским университетом.

Среда, в которой воспитывался тогда ум Ключевского и определялись его интегрессы исследователя и педагога-просветителя, чуткое понимание характера восприятия

³ Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. С. 258.

в этой среде научного знания обусловили задачи дальнейшей творческой деятельности Ключевского и самый стиль его сочинительства и лекторскую манеру.

Первичные наблюдения, опиравшиеся и на жизненный опыт и знания, почерпнутые из разнообразной литературы, от знакомства с памятниками культуры, затем постоянно пополнялись и поновлялись, особенно когда сам Ключевский вступил уже на профессорскую кафедру и привык к постоянному общению уже с лицами его нового круга и судьба «дарила его счастьем встречаться с образованными и мыслящими людьми»⁴.

Для системы восприятия Ключевским явлений культуры, общественного сознания характерно то, что он был писателем не в меньшей мере, чем ученым, хотя и обделен был, можно полагать, даром непосредственного радостного эстетического восприятия. Ум довлел надо всем. По существу, сфера открывающихся его умственному взору наблюдений — это сфера исторической психологии, даже если он и не ведал о подобных дефинициях, тем более о возможностях применения их к своему творчеству. И, как выясняется, именно в этой области знаний он оказался способным предвосхитить некоторые идеи социологов рубежа XIX и XX в. Образ восприятия писателя-художника помог ему и в видении и изображении конкретных «бытового» плана черт истории и экономики прошлого, его повседневности. И не как особой темы, что понимали еще до него, а как обязательной составной в познании процесса российской истории, не менее существенной, чем события государственной истории.

Можно думать, что дар конкретно-художественного восприятия мира и несклонность к философскому схематизму тоже следует принимать во внимание, ища объяснение тому, что Ключевский-историк придерживался представлений о многофакторности исторического процесса. И это же не позволяет уложить творчество Ключевского в прокрустово ложе четкой идеологии. Как это немислимо сделать часто в отношении других великих людей — Пушкина, Лермонтова, современников Ключевского — Чехова в литературе, Чайковского в музыке. Что отнюдь не препятствовало и самому Ключевскому, и его современникам, и нам, знакомящимся с его многочисленными высказываниями, усматривать определенную политическую, даже «партийную» позицию в тот или иной момент политической жизни России.

Сочинения Ключевского — книги, статьи, с недавнего времени афоризмы и дневниковые записи — постоянно в поле зрения ученых и широкой публики. Но вершиной славы его остается «Курс русской истории» и публичные выступления (лекции) на определенную тему. Хотя теперь установлено уже, что основные идеи «Курса...» восходят еще к монографии о Боярской думе. М. В. Нечкина проследила это даже по первоначальным заголовкам докторской диссертации — «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества», характерно и заглавие Введения к ней — «В предлагаемой работе Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе»⁵. Причем, если в изложе-

⁴ Ключевский В. О. Соч. Т. VIII. С. 258.

⁵ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 176.

нии материала по истории России допетровского времени историк опирается во многом и на результаты собственных исследовательских наблюдений (особенно по периоду «Московского царства» — XV—XVIII вв.), то XVIII в. не стал предметом его самостоятельного изучения, и он позволил себе, как справедливо определил Г. П. Федотов, «карикатурность в изображении XVIII в., вытекающую из нечувствия Империи», и вовсе обошел явления «духовной культуры»⁶.

Если в первой четверти XIX в., после победоносного утверждения России на международной арене глубоко сочувствовали государственному пафосу «Истории...» Карамзина и ее апофегматическому морализированию, то в конце столетия особенно понятны были и крен Ключевского в «социальную» историю, и скептицизм его характеристик политических деятелей и явлений государственной истории. «Курс русской истории» Ключевский обдумывал всю жизнь, продолжая шлифовать его стилистику, внося дополнения и изменения, подсказанные новейшей литературой. В этом великом памятнике исторической мысли и литературы особенно ощутимо проявилась и просветительская тенденция, характерная для науки, литературы, и великий проникновенный талант историка, и высочайший литературный дар — Ключевский стоит вровень с классиками русской художественной литературы.

Ключевский понимал, что после многотомных пространных трудов Карамзина и Соловьева должно создать обобщающий труд, охватывающий всю русскую историю, но уже меньшего объема и доведенный до более близкого времени. Осознавал он и возрастающий (особенно после сочинений И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова, А. П. Щапова) интерес в обществе к истории народа, каждодневному быту.

В период, когда в России окончательно утвердилось понятие об университете как главной базе и профессиональной подготовки, и общей образованности, Ключевский избрал форму (опираясь, конечно, и на опыт предшественников) письменного изложения основного в отечественной истории именно в виде лекций. И с тех пор такой прием передачи научных знаний — и не только в научных целях, но и в общественно-просветительских — закреплен в наших общественных науках.

Это имело принципиальное — далеко выходящее за рамки собственно исторической науки — значение в плане развития научной культуры России и расширения массовых представлений о роли университетской профессуры вообще в развитии культуры России.

Лекции эти были написаны с учетом важнейшего, хотя и умышленно отобранного в науке отечественной истории и смежных с ней (Ключевский имел особую склонность откликаться рецензией-исследованием на новейшие научные монографии), и потому специалистами воспринимались как результат развития исторической мысли и указание на ее дальнейший путь. Этому способствовало и все усиливавшееся с годами воздействие трудов ученых, вышедших из «школы Ключевского».

⁶ Федотов Г. П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 111. С. 101.

Но сочинения Ключевского отражали и путь развития русской классической литературы — ее тематики, образности, стилистики языка. Если в «Истории...» Карамзина заметно, что он — современник популярнейшего тогда в среде и взрослых читателей великого баснописца (а следовательно, и моралиста) Крылова, то, обращаясь к сочинениям Ключевского, чувствуешь, что и автор, и его читатели прошли путь знакомства и с реалистической литературой социально-бытовой тематики, и с терминологией и эзоповым языком публицистики середины XIX в. и сатиры Салтыкова-Щедрина. (И понятно, что Ключевский столь широко и научно-доказательно обратился к творениям художественной литературы и как к источникам исторического познания.) Ключевский откликался на новинки и науки, и художественной литературы, и газетно-журнальной публицистики. Это сказывалось и на его «Курсе лекций», который он до конца дней совершенствовал.

Особенное значение имело и то, что Ключевский, как никто другой из современных ему ученых, обладал при этом и свойственным лишь самым замечательным Артистам удивительным чувством общения с аудиторией (слушателей и читателей) — ощущением ее ожиданий и потребностей, ее способностей к восприятию.

Лекции его — и в Московском университете, и в других учебных заведениях, выступления перед «широкой публикой» — оказывали поразительное воздействие на слушателей, на их разум и чувства. Для будущих преподавателей они становились школой высшего (хотя и недостижимого!) мастерства. (При этом близко знавшие историка — например, С. К. Богоявленский — подчеркивали подготовленность, отрепетированность «эффектов», преобладающих над импровизацией.)

После томов «Истории государства Российского» Карамзина в 1810—1820-е годы никакое другое обобщающего характера сочинение российского историка не вызывало столь заметного общественного впечатления и не воспринималось сразу же как реалья не только науки, но и культуры в целом.

«Курс русской истории» читали повсеместно: в великокняжеских дворцах (где историк вел занятия), в училищах, готовивших и священников, и офицеров, и художников; книги эти постоянно отмечают среди выявленных при аресте у революционеров (В. И. Ленин читал том Ключевского с карандашом в руке в 1891 г.⁷). С начала 1890-х годов и началось триумфальное шествие «Курса...» в среде российской интеллигенции. Молодые ученые уже в начале 1880-х годов воспринимали определяющее значение исторических построений Ключевского — выпускник Петербургского университета 1882 г. С. Ф. Платонов считал московского профессора одним из своих главных учителей, но эмигрировавшие тогда за границу В. И. Засулич и Г. В. Плеханов еще в начале 1890-х годов не знали работ Ключевского, что вызвало удивление познакомившегося тогда с ними молодого Д. Б. Рязанова⁸. К концу XIX столетия «Курс

⁷ Шмидт С. О. В. И. Ленин — читатель В. О. Ключевского // Проблемы истории общественного движения и историографии: Сб. к 70-летию М. В. Нечкиной. М., 1971. С. 354—364.

⁸ К столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского (Прения по докладу Ю. М. Стеклова) // Историк-марксист. № 8. 1928. С. 145—146.

русской истории» Ключевского воспринимался уже как вежа в развитии и исторической мысли (и социологии), и, шире, общественного сознания.

Образ Ключевского постепенно обретает значение символа — и историка, и московского профессора, и обязательной украшающей части культуры и общественной жизни Москвы. В то же время не только в мемуарах (когда на автора могло — пусть даже невольно — оказать влияние устоявшееся уже в обществе мнение), но и в дневниковых записях лиц, воспринимавших лишь внешнюю сторону деятельности Ключевского (его лекции, беседы), бросается в глаза характерное клише суждений, некий канон — очевидно, что уже в 1890-е годы принято было говорить об ученом в определенной тональности, прибегая к набору слов, эпитетов, привычных при описании впечатления, производимого «звездами» искусства.

В то же время как человек воспринимался он как бы дистанцирование не допускал близко к себе. А лучше знавшие его и чаще с ним встречавшиеся едва ли не единодушны в признании неадекватности блистательной яркости таланта и личных человеческих качеств. Ключевским восхищались, но он не был любим. Не хватало доброты, заинтересованного внимания к людям, простоты в обращении и столь привлекательных очевидно ощутимых моральных основ⁹. Для актеров, профессиональных преподавателей-лекторов очевидными были и черты того поведения, которое в старину называли лицедейством.

Но талант мыслителя и художника у Ключевского был так велик, что его сочинения обрели самостоятельную жизнь, как бы оторвавшись от его биографии. Личная жизнь этого великого человека может сейчас интересовать лишь немногих специалистов, как и образ его поведения в общении с другими людьми, и напоминать им мудрость наблюдения Флобера: «Не прикасайтесь к идолам — их позолота остается на пальцах». И дорог нам Ключевский именно своим научным наследием, проникновенной наблюдательностью и прозорливостью своих афоризмов.

К творениям Ключевского все время возвращается историческая мысль. Не определив для себя место Ключевского в истории науки, невозможно понять ход ее развития. И становится все очевиднее то, что значение сотворенного Ключевским воспринималось современниками, а теперь ощущается и потомками, как одно из вершинных достижений не только науки истории, но и вообще нашей отечественной культуры.

⁹ Дневниковые записи А. А. Савина о В. О. Ключевском / Подгот. к печати М. Д. Филин // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 327—332.

СОЧИНЕНИЯ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ*

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869—1908) скончался в момент взлета его творчества, тогда, когда с его именем стали связывать представления о будущем науки отечественной истории. Умер почти внезапно, не довершив задуманного, не увидев в рост посеянное им. Смерть эта поразила знавших его, ощущалась как невосполнимая потеря и сравнительно широким кругом тех, кто задумывался, подобно ему, об исторической судьбе России, о воздействии прошлого ее на настоящее и будущее.

И так как в самый последний период своей жизни Павлов-Сильванский сосредоточил все свои силы на подготовке обобщающего труда о феодализме в русском Средневековье, на работы именно этой тематики обращено наибольшее внимание в откликах на его кончину. Эти труды — большой популярный очерк «Феодализм в Древней Руси» и незавершенное исследование «Феодализм в удельной Руси», впервые в нашем издании объединенные в одной книге, и воспринимались как главное в жизни ученого, столь убедительно и детально показавшего неосновательность распространенного в ту пору представления о глубоком различии между историческим развитием России и Западной Европы до XVIII в. или даже позднее.

Действительно, мало можно назвать имен историков, главные положения трудов которых, будучи направленными против общепринятых мнений, так скоро получили бы настолько повсеместное признание, стали бы казаться само собой разумеющимися, обязательными и для школьных учебников. Но это же создает и своеобразную аберрацию в суждениях о Павлове-Сильванском, работы которого иной тематики, хотя и напечатанные вскоре в посмертном трехтомном издании его сочинений, подчас рассматриваются как специальные исследования, важные — и даже смелые, новаторские — в изучении определенных проблем истории России XVI—XVII вв., и особенно XVIII и XIX в., но вне связи с его трудами по истории Средневековья, обеспечившими Павлову-Сильванскому имя одного из классиков нашей исторической науки. Говорилось обычно лишь о многообразии научных интересов и знаний ученого, о способности его писать о разных и, казалось бы, далеких хронологически исторических сюжетах, об

* Впервые опубликовано в кн.: *Павлов-Сильванский И. П. Феодализм в России* (Серия «Памятники исторической мысли»). М., 1988. С. 587—599.

умении создавать — и притом одновременно — и исследовательские труды, историко-научные в своей основе, и научно-популярные статьи, и лекции. Все это верно. Дарованию и многообразию возможностей Павлова-Сильванского как исследователя прошлого и пропагандиста исторических знаний можно удивиться. Но, вероятно, главная линия творчества этого удивительного ученого, обусловившая все его проявления — склонность к осмыслению всего хода истории России, построению синтетической схемы всей истории, воспринимаемой и показанной при этом в конкретности и многообразии. Написав обобщающие по характеру мысли работы (различные по степени основательности использования источников, по задачам, объему, форме изложения) о различных периодах истории, притом по проблемам, как правило, мало изученным, Павлов-Сильванский только приступил к созданию большого обобщающего труда. В части его, детальнее всего обдуманной и подготовленной, посвященной наиболее раннему хронологически периоду, он наметил уже и схему и сформулировал выводы, относящиеся к дальнейшим периодам истории России, попытался сделать то же и в лекционных курсах, в газетной публицистике.

И все это совершалось в осознании необходимости поисков взаимосвязи суждений о прошлом с пониманием современных государственно-политических событий. У Павлова-Сильванского была очень сильна эта потребность. Он писал о том, что «Русская Великая Революция» заставила его «усиленно заняться» книгой о феодализме в удельной Руси, и в то же время именно в последние годы «действительность, история, исправляя ошибки историографии», сильнее всего поколебала воззрения о принципиальном различии исторического процесса в России и на Западе. Это же побуждало ученого, более всего интересующегося в исследовательском плане государственно-политической историей, выяснять вопрос об обусловленности ее социальными, экономическими причинами. Все это делало понятным и всевозрастающий интерес его к трудам Маркса в поисках оснований для социологических построений.

Вообще это отнюдь не столь редкий феномен обращения к изучению прошлого, даже очень далекого, тогда, когда мысли устремлены в будущее. Пример тому статьи и рассуждения о земских соборах виднейших историков (в их числе и того же Павлова-Сильванского) в годы первой русской революции¹. Это характерно и для крупномасштабных социологических обобщений. Ведь и Ф. Энгельс, сформировавший вместе с К. Марксом научные представления о пути движения исторического процесса, обращался к исследованию проблем происхождения семьи, частной собственности и государства, к истории крестьянской войны в Германии XVI в., а К. Маркс в последние годы жизни с увлечением составлял хронологические выписки по мировой истории в эпоху Средневековья².

¹ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1971. С. 121—125.

² Поршнев Б. Ф. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над «Хронологическими выписками» // Маркс-историк. М., 1968.

Для ученого такого склада мысли и такой широкой образованности, как Павлов-Сильванский, особое значение имели, конечно, и, так сказать, имманентные закономерности развития исторического знания и приемов его добывания. Рубеж XIX и XX в. — это время необычайного подъема источниковедческих исследований, осознания значения междисциплинарных связей отдельных отраслей гуманитарных наук. Это предопределяло интерес ученого к возможностям использования новых методов исследования, прежде всего историко-сравнительного характера. Это заставляло его задуматься и о перспективах развития археографии в плане описания и публикации исторических источников. Обнаруживается и понимание важности обращения к сравнительному изучению разных типов источников (словесных — фольклора, разговорного языка, памятников письменности и иных), к тому материалу, который только начинала определять как сферу своего внимания формирующаяся в то время наука социальной психологии.

Творчество Павлова-Сильванского — чуткий, высочайшего класса барометр, позволяющий определить движение мысли историков в прошлом и в настоящем, степень проникновения в область собственно источниковедческого исследования и историко-социологического построения и элементов историографической традиции (и отечественной, и зарубежной), и новаций не только исторической науки, но и всего спектра соприкасающихся с ней в той или иной степени наук. И в этом отношении не только своими выводами и наблюдениями исторического (или источниковедческого) порядка, но и самим подходом к изучению явлений прошлого Павлов-Сильванский во многом предвосхитил то, что стало обычным для науки лишь в последующее время. Достаточно назвать хотя бы его статью о символизме в средневековом правовом мышлении.

Работы Павлова-Сильванского о служилых людях XVI—XVII вв., о реформаторских идеях современников Петра I, о Радищеве и Пестеле, вышедшие при жизни автора, были высоко оценены учеными, а труды, впервые знакомившие со знаменательными явлениями передовой революционной мысли, привлекли внимание так называемого широкого читателя. И все-таки наибольший интерес обнаружился к исследованиям его о феодализме в средневековой Руси и особенно к изложению его взглядов в сравнительно небольшой книге «Феодализм в Древней Руси», вышедшей в 1907 г.

Уже первые статьи этой тематики вызвали отклики людей разных поколений и разных общественных воззрений. Они обратили на себя внимание В. И. Ленина и его соратников. Это становится тем более понятным, что молодой Ленин еще до сочинений Павлова-Сильванского увидел характерные черты русского феодализма и, исходя из марксистского учения о формациях, глубже его понял коренные причины этого явления и его естественные последствия для хода нашей истории. Но труды Ленина тех лет не были известны в ученой среде. И идея о европейского типа феодализме в средневековой Руси, точнее сказать, о его внешнеправовых формах, распространилась столь широко с работами Павлова-Сильванского.

Книга его вызвала невиданное число откликов и в печати, в лекциях и докладах, в письмах, адресованных автору ее. Можно полагать, что об этом немало было разговоров и в профессорских кабинетах, и в студенческих аудиториях, и везде, где собирались люди, склонные к освоению гуманитарных знаний. Известны отклики и историков, причем специалистов и по отечественной и по всеобщей истории, и правоведов, и сверстников автора, и представителей поколения его учителей, даже непосредственных учителей. Это заставляет вспомнить о впечатлении, произведенном в обществе выходом из печати «Боярской думы» В. О. Ключевского, «Истории...» С. М. Соловьева и даже Н. М. Карамзина. Выяснилось, что Россия оказалась по самой сути социально-государственных отношений страной европейского типа еще до того, как Петр I «открыл окно в Европу». Период, охарактеризованный менее ярко по сравнению с другими, в известном тогда всем «Курсе русской истории» В. О. Ключевского, обрел четко запоминающиеся черты, к тому же хорошо понятные тем, кто имел представление о ходе всемирной истории. Это помогало многое понять и в далеком прошлом, и в событиях современности, что и обуславливало столь живое отношение к труду историка отнюдь не только в кругу профессионалов-ученых. Естественно, что выводы Павлова-Сильванского в основе своей поддержали виднейшие авторитеты в области западноевропейской истории. Это облегчало им в дальнейшем возможность обращения к русскому материалу в плане и общесоциологических построений, и детального сравнительного сопоставления материала источников и запечатленных в них правовых норм и признаков развития культуры.

Мимо того, что отмечено было Павловым-Сильванским, не могли пройти те, кто задумывался над важнейшей проблемой — общее и особенное в истории России. Люди передовой общественной мысли сразу же заявили себя сторонниками его основной идеи и опирались на нее в своих исследованиях и в публицистических выступлениях. Это не только революционеры, еще до 1917 г. немало делавшие для формирования и утверждения марксистских взглядов на исторический процесс, но и ученые передовых убеждений, ставшие затем участниками культурного строительства первых лет Советской власти. (Именно они — А. Е. Пресняков, П. Е. Щеголев, М. К. Лемке — более всего сделали и для организации посмертного издания сочинений Павлова-Сильванского в 1908—1910 гг.) Существенно и то, что сама система научных доказательств Павлова-Сильванского, совершенная по тем временам методика источниковедческого анализа, обеспечивавшего прочную базу для исторического синтеза, привлекла на сторону ученого и наиболее объективных и проникновенных исследователей источников, особенно так называемой петербургской школы, славившейся достижениями в этой области науки. Подкупали убедительность и красота приемов самого исследования.

И потому, когда издана была — уже посмертно — исследовательская монография близкой тематики (также включенная в наше издание), вобравшая в себя очень многое из ранее вышедшей популярной книги, она сразу же утвердилась среди самых значительных исследовательских достижений нашей науки.

Главные положения обобщающих книг Павлова-Сильванского и история их написания и издания охарактеризованы в статье С. В. Чиркова. Включенные в статью сведения, почерпнутые из материалов личного архива Павлова-Сильванского (лишь сравнительно недавно благодаря усилиям С. Н. Валка, и особенно В. А. Муравьева³, введенные в научный обиход), позволяют представить картину формирования этих научных положений. При этом мы узнаем много нового не только о самом Павлове-Сильванском, но и о его современниках-ученых. Мы как бы входим в мир научных исканий и споров начала XX столетия, знакомимся с кругом чтения этих людей, с манерой выражения научной мысли.

Рядом с Павловым-Сильванским четко вырисовывается фигура Александра Евгеньевича Преснякова, ученого столь же широких научных интересов и большого темперамента мысли. (Правда, в отличие от Павлова-Сильванского, интересы которого сосредоточивались преимущественно на сфере общественно-политической, в жизни Преснякова немало места занимала и сфера искусства, особенно театра — он даже писал в петербургской прессе о гастролях Московского Художественного театра, принимал у себя дома Станиславского и его знаменитых сподвижников.) Пресняков так же, как Павлов-Сильванский, приучивший себя к ознакомлению с новейшей отечественной и зарубежной литературой — и не только по истории, но и по философии, социологии и т. п., — склонный к постоянным размышлениям историографического характера (и при этом большой мастер историографического портрета) в те же годы искал ответ на важнейшие вопросы истории Древней Руси.

Помимо взаимной симпатии и доверия друг другу их сближало многое: свойственные обоим живость ума, умение увидеть и понять новое, быстрота интеллектуальной реакции, высоко развитая способность к ассоциативному мышлению и великолепная школа исследовательской работы (первая монография Преснякова о лицевой летописи «Царственной книги», напечатанная в 1893 г., когда ее автору было всего лишь 23 года, до сих пор остается образцом тончайшего, скрупулезного и честного источниковедческого исследования). Пресняков, как и Павлов-Сильванский, был склонен и обладал умением серьезно и с увлечением заниматься исследованием исторической проблематики разных столетий, причем, так же как и он, выступил первопроходцем в архивных изысканиях; если Павлов-Сильванский, особенно прославившийся трудами по истории русского Средневековья, создал значительные работы по истории общественной мысли XVIII—XIX вв. и по истории Министерства иностранных дел XIX в., то Пресняков — правда, уже после кончины своего друга — более всех других сделал для изучения истории Сената середины XVIII в. и, соответственно, внутренней политики этих лет, долгое время обойденной вниманием историков, находившихся в

³ Валк С. Я. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной науч. сессии Ленингр. гос. ун-та: Секция историч. наук. Л., 1948; Он же. Вступительная лекция Н. П. Павлова-Сильванского // Тр. ЛОИИ. М.; Л., 1963. Вып. 5; Муравьев В. А. Материалы Н. П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Тр. МГИАИ. М., 1965. Т. 22.

плону панегиристов Екатерины II⁴, а затем написал выдающиеся для той поры работы по политической истории России XIX в.

Общей у них была и потребность определить для себя основные моменты связи времени и место и значение изучаемых явлений в цепи других (притом на длительном хронологическом протяжении), типологизировать исторические формы и группы фактов (или имеющие внешнее подобие даже отдельные факты), причем и в общесоциологическом срезе, и в плане наблюдений более частного порядка. Наконец, для обоих очевидна потребность обращения для проверки своих построений к сравнительно широкой аудитории, к жанру доклада и особенно лекции, тяга к учительству. У Преснякова это было развито уже опытом сравнительно давнего преподавания, Павлов-Сильванский явно тянулся к этому (тем более, что еще в молодые годы готовил себя к преподавательской деятельности, которой обычно и занимались сдавшие магистерский экзамен). Он сумел необычайно скоро подготовить лекционные курсы, нашел в этом форму и повод для уяснения (возможно, не только слушателям, но и самому себе), обобщения того, о чем размышлял. Вероятно, лекторская деятельность явилась существенным стимулом для столь быстрого написания Павловым-Сильванским книги обобщающе-постановочного характера, притом книги, проникнутой историографической полемичностью. Сама манера изложения в книгах, естественное сочетание безукоризненно логически строгой системы соотношения изучаемых явлений, покоряющей своей убедительной простотой (как при доказательстве теоремы в математике), с образностью языка, рассчитанными на долгое запоминание яркими, четкими и краткими формулировками, оставляет ощущение обращения не только к читающей, но и к слушающей аудитории.

И понятно, что именно Пресняков (личный архив которого и печатные труды с наибольшей основательностью и серьезными научными результатами изучил автор статьи в этой книге С. В. Чирков⁵) стал и постоянным собеседником, и корреспондентом Павлова-Сильванского. Взаимное влияние их на творчество друг друга очень заметно и велико и может даже стать темой особого исследования. И посмертным даром судьбы было то, что Пресняков стал как бы душеприказчиком скончавшегося ученого. Ему более других были знакомы не только научная проблематика незавершенной книги, но и склад научного мышления, даже манера обращения с первоисточниками и литературой своего друга. И это обогатило науку монографией, наиболее приближенной, как думается, к авторскому замыслу.

Проверкой научной строгости, основательности своих построений для Павлова-Сильванского были беседы с Пресняковым и другими близкими ему учеными и особенно переписка. Беседы и споры на научные темы, обычно вперемежку с суждениями об общественно-политических явлениях — давняя традиция русской общественной мыс-

⁴ Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // ВИ. 1987. № 3. С. 43.

⁵ Чирков С. В. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // АЕ за 1970 год. М., 1971; Спикок трудов А. Е. Преснякова // Там же; Он же. А. Е. Пресняков и его лекции по русской истории // А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1988. Т. 3.

ли. И в этом плане Павлов-Сильванский и его друзья выступают в какой-то мере наследниками если не современников декабристов, то во всяком случае тех, кто участвовал в столкновениях славянофилов и западников (тем более что расхождения во взглядах отнюдь не становились серьезным препятствием к сохранению дружеских отношений). Видимо, устный спор, когда всегда легко от кажущегося наиболее существенным перейти к истолкованию частных или вовсе отойти от намеченной поставленным вопросом темы, не всегда мог привести к довершению необходимого в тот момент обсуждения. И Павлов-Сильванский прибегал к методическому приему переписки по научным вопросам, даже с очень близкими ему людьми, проживавшими в том же городе. Для этого надо было и очень доверять друг другу, и быть взаимно заинтересованными в достижении определенных результатов, и иметь соответствующую научную подготовку, и, конечно же, равно высокую культуру мышления. Необходимым условием было, естественно, и обладание высокой эпистолярной культурой. А эпистолярным искусством русские интеллигенты владели в полной мере.

Это была традиция воспитания, закреплённая опытом русской художественной литературы и публицистики. Семейная переписка — важный и до сих пор малоизученный фактор развития нашей культуры. Замечательна переписка А. Е. Преснякова с женой Юлией Петровной, из которой мы можем почерпнуть немало ценного и для познания жизни, творчества и посмертной судьбы в науке Павлова-Сильванского. Семейная переписка Чичериных (а следовательно, и очень знаменитого в те годы ученого и общественного деятеля Б. Н. Чичерина, и его даровитейшего племянника, ставшего затем революционером и замечательным советским дипломатом Г. В. Чичерина) стала уже предметом специального изучения. Выводы и наблюдения исследовавшего огромный массив переписки семьи Чичериных в XIX — начале XX в. Е. Ю. Наумова⁶ должны быть использованы и при рассмотрении научной переписки. Корни этой формы культурного общения можно искать в эпохе Возрождения, деятели которого опирались и на давнюю античную традицию. Нельзя не отметить, что многие, и притом важнейшие, положения исторического материализма сформулированы К. Марксом и Ф. Энгельсом в их письмах и к друг другу, и к другим адресатам. Более того, можно полагать, что Энгельс в последние годы почитал своим долгом изложить существеннейшие свои мысли об истории в письмах к более молодым социалистам.

Значение опубликованных в книге писем отнюдь не ограничивается их важностью для понимания самого процесса становления научных замыслов Павлова-Сильванского или формирования научных взглядов его друзей и обогащения наших представлений об этих выдающихся людях, их научных, культурных интересах, стиле их мышления, манере литературного изложения своих мыслей.

⁶ Наумов Е. Ю. Переписка Г. В. Чичерина с Б. Н. и А. А. Чичеринскими в фондах московских архивов // АЕ за 1980 год. М., 1981; Он же. Переписка семьи Чичериных как культурно-исторический источник // Вопросы истории и историографии русской культуры: Сб. статей. М., 1986.

Переписка Павлова-Сильванского, так же как и материалы его «рабочего» архива, пожалуй, даже в большей мере, чем предназначенные для печати труды, знакомят нас с лабораторией его исследований, с набором книг, сопутствующим его размышлениям на особенно волновавшие в тот или иной момент темы, вообще с кругом его чтения и культурой обращения к книге, к мнению своих ученых предшественников или оппонентов. Н. Л. Рубинштейн (глава книги которого по историографии и по сей день остается едва ли не лучшей из того, что напечатано о Павлове-Сильванском), С. Н. Валк, В. А. Муравьев, А. Л. Шапиро, С. В. Чирков и другие выявили уже факты несомненного знакомства Павлова-Сильванского со многими работами его предшественников — отечественных и зарубежных историков, правоведов, философов, социологов. Думается, однако, что можно допустить знание ученым и тех трудов (или, во всяком случае, основных их выводов и приемов обращения их авторов с материалом источников), которые не названы ни в опубликованных работах Павлова-Сильванского, ни в подготовительных материалах к ним (тем более что архив ученого дошел до нас далеко не полностью; не обнаружено пока даже целое исследование о декабристах).

Для Павлова-Сильванского, безусловно, очень много значили ученые встречи, обсуждения докладов, новейших научных трудов. Это служило ему толчком для новых раздумий и сомнений, обогащало палитру его подходов к первоисточникам и к литературе. Павлов-Сильванский был крайне восприимчив ко всему новому в науке, обладал даром использовать в своей работе приемы, доселе известные, в областях, казалось бы, далеких от его непосредственных научных интересов. Трудно вообразить, чтобы такой мыслитель оказался в стороне от движения научной мысли, центрами которого были в то время Петербургский университет, Академия наук, Археографическая комиссия. «Переносчиком» нового мог быть для Павлова-Сильванского и его друг Пресняков, непосредственно возвращавшийся в среде этих ученых. Очевидно и определенное воздействие на Павлова-Сильванского и его университетского учителя — С. Ф. Платонова с его манерой ясного и доходчивого изложения, с обязательными историографическими экскурсами, а также М. А. Дьяконова, обладавшего даром четкой систематизации многообразного историко-правового материала.

Безусловно и близкое знакомство Павлова-Сильванского с П. Е. Щеголевым, которому родственники покойного ученого доверили распорядиться изданием его научного наследия. Вероятно, Павлов-Сильванский был в той или иной мере знаком с трудами и деятельностью не только самого Щеголева по истории передовой общественной мысли и революционного движения (тем более что и сам был в числе зачинателей изучения в исследовательском плане этих тем), но и близких к нему старших его сотрудников — В. И. Семевского и В. Я. Богучарского. В источниковедческих приемах этих передовых историков и археографов Павлов-Сильванский мог также воспринять нужное для своей многообразной работы, особенно в области популяризации исторических

знаний, тем более что в годы революции 1905—1907 гг. Павлов-Сильванский был одним из самых деятельных историков-публицистов.

Сравнительное изучение трудов Павлова-Сильванского и А. А. Шахматова и А. С. Лаппо-Данилевского, можно думать, обнаружит творческое освоение Павловым-Сильванским и того, что сделано было и этими крупнейшими источниковедами и археографами начала нашего века. Текстологические подходы Шахматова, сформулированные им задачи археографии нарративных памятников Средневековья близки к тому, о чем писал Павлов-Сильванский. В русле его интересов и размышления Лаппо-Данилевского об актовых источниках и о природе отражения источником вообще исторической действительности, образа мысли людей далекого прошлого. Выход этой книги облегчит теперь сопоставительное изучение наиболее выдающихся трудов отечественных историков предреволюционной поры и тем самым поможет избавиться от несколько однозначных представлений о кризисе буржуазной науки как о явлении только упадка этой науки. Выходящие все в большем числе серьезные, опирающиеся и на неопубликованное наследие труды о русских и зарубежных историках рубежа веков позволяют более ясно определить место и трудов Павлова-Сильванского в развитии нашей науки, место его в процессе развития мировой исторической мысли, и особенно источниковедения. Тема «Павлов-Сильванский — источниковед» пока остается совершенно неразработанной, хотя представляет особый интерес и в методическом, и в собственно историографическом планах.

Труды Павлова-Сильванского о русском феодализме — новаторские и по постановке основных вопросов, и по исследовательской методике — встречены были современниками как новое слово в науке. Но утвердиться в сознании и ученых и более широкой общественности его взгляды смогли потому, что находились в русле магистрального развития русской истории. В той или иной степени, сознательно или даже бессознательно, о существовании в России того, с чем связывалось представление о феодализме как об общественно-государственном строе с соответствующей ему системой менталитета (если употреблять принятые в наши дни термины), писали историки и до Павлова-Сильванского. Он первым сумел увидеть в этом именно главную линию развития общества в средневековой Руси и сделать на этом основании вывод об отсутствии коренного отличия нашего средневекового порядка от феодального, а следовательно, характерного для истории Западной Европы в те же или близкие к ним столетия. И он, разобрав достаточно подробно мнения своих предшественников по изучению отечественной истории, имел основания закончить первую главу своей книги «Феодализм в Древней Руси» словами: «Моя работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд» — и писать о том же в письме к историку права В. И. Сергеевичу. Само построение Павлова-Сильванского — это результат большой работы, проделанной до него русскими историками. Их детальные исследования, составленные ими толковые словари древнерусской терминологии существеннейшим

Сигурд Оттович Шмидт

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ
В КУЛЬТУРЕ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

Том 2
Двадцатое столетие

Книга 2

Издатель А. Кошелев

Корректор Н. Полякова
Оператор Е. Зуева

Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 27.12.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Academia.
Уч.-изд. л. 40. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур».
№ государственной регистрации 1037789030641.
Phone: **95-171-95** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел. 8-499-793-57-01, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17 "Б" офис 313